

БИБЛЕИСТЪ—ЛѢТОПИСЕЦЪ.

При грозномъ вихрѣ переживаемыхъ событій особенно ясна правда словъ близкаго московской духовной Академіи библииста—лѣтописца профессора А. П. Смирнова: „не столько живучи памятники лицамъ, сколько живуча память о лицахъ“¹⁾. Много разрушено изъ жерлъ пушекъ величественныхъ памятниковъ при воинственномъ осуществленіи германцами намѣреній сennaарскихъ гордецовъ. Но и жерла пушекъ уничтожаютъ только памятники, но не память о лицахъ, хотя бы послѣдняго и очень желали люди, питающіе личную самоувѣренность собственною гордостію и строящіе изъ этой самоувѣренности только „башню желаній“²⁾, только „домъ паука“ (Иовъ 814)³⁾. Гордость и „холодный расчетъ ума“ безсилны укоротить или удлинить жизнь тепло-го чувства“⁴⁾...

Не многимъ извѣстенъ, быть можетъ, гранитный памятникъ, вотъ уже почти двадцать лѣтъ осѣняющій, на Посадскомъ Вознесенскомъ кладбищѣ, холмикъ, возвышающійся надъ могилой профессора Московской Академіи Андрея Петровича.

¹⁾ „Памятникъ и память“. Отд. оттискъ изъ Душен. Чт. 1893 г. № 10, стр. 8.

²⁾ Ср. „Башня желаній“ А. П. Смирнова. Отд. оттискъ изъ Душен. Чт. 1894 г. № 1. Авторъ зоветъ строителей сгѣвъ Іерусалимскихъ—Божіаго строенія (стр. 16) созидать „изъ себя живые камни“ и созидать ихъ „смирненно, безъ хвастовства своими заслугами, безъ превеличенія и рисовки своими стропильными дѣлами“ (стр. 12).

³⁾ Ср. *ibid.* стр. 3.

⁴⁾ А. П. Смирновъ. „Сроки скорби и памяти объ умершемъ“. Богосл. Вѣстн. Январь. 1896 г. стр. 73. Къ выраженію „холодный расчетъ“ у Андрея Петровича подставлено равенство (—по достоинству, для публіканія осужденія).

Время, состарившее уже и многихъ учениковъ этого профессора, неумолимо и въ отношеніи къ вещественному памятнику: ветшаетъ памятникъ—и рѣже и рѣже подходятъ къ нему лично знавшіе Андрея Петровича... И они уходятъ за нимъ... Но не исчезла и не исчезнетъ память о библеистѣ—лѣтописцѣ, хотя бы и совсѣмъ исчезъ воздвигнутый ему памятникъ и заросла къ нему тропинка.

Объ Андреѣ Петровичѣ можно говорить, какъ объ ученомъ.

Въ 1895 году, за годъ до кончины почтеннаго профессора, былъ подведенъ итогъ его учено-литературной дѣятельности. Къ этому времени сдѣлано было Андреемъ Петровичемъ уже все, что давало право говорить о немъ, какъ объ ученомъ. За двадцать пять лѣтъ онъ написалъ 78 отдѣльныхъ статей и изслѣдованій. О его магистерской диссертациі: „Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій“ своевременно были даны одобрительныя отзывы авторитетными профессорами Е. Е. Голубинскимъ, Н. И. Субботинимъ и П. С. Казанскимъ ⁵⁾. Его статьи по предмету науки, преподававшейся имъ въ Академіи, свидѣлствуютъ о вѣрномъ пониманіи имъ задачъ библейско-историческаго изслѣдованія. Онъ былъ профессоромъ по кафедрѣ Библейской Исторіи, но сознавалъ, что данныя Библии необходимо ставить въ перспективу общей исторіи.

Въ настоящее время Библейская исторія поставлена въ связь съ исторіею древняго міра. Такая постановка этой наукѣ дана послѣднимъ Уставомъ. Но проницательный библеистъ—историкъ Андрей Петровичъ, слѣдившій за оживленіемъ интереса на Западѣ и въ Россіи къ древней исторіи, къ открытіямъ въ Ассиріи и Египтѣ, и тогда показывалъ, что апологетъ Библии долженъ разсматривать жизнь древняго Израиля въ связи съ жизнью другихъ древнихъ историческихъ индивидуальностей. И онъ напечаталъ семнадцать серьезныхъ статей ⁶⁾, въ которыхъ, съ одной стороны,

⁵⁾ Отзывы о магистерской диссертациі см. въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1895 г. Октябрь. „Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессоровъ А. П. Лебедева и А. П. Смирнова (1870—1895 г.)“. Н. К. Стр. 277—278. Здѣсь же указаны (стр. 276—283) и всѣ другіе труды Андрея Петровича.

⁶⁾ Ibid. стр. 279—280. Научныя изслѣдованія и статьи А. П. Смирнова въ области Библейской исторіи и ея бібліографіи.

указаль параллели къ даннымъ Библии изъ данныхъ ассири-вавилонской клинописи и египетской іероглифики, а съ другою — призываль библиенство къ осторожному и умѣлому пользованію данными оріентологии. Онъ зналъ, что „средствомъ всякихъ удачныхъ и неудачныхъ комбинацій, игры словъ, далекихъ подобій и неподобныхъ сравненій легко превратить древнѣйшую исторію міра и человѣчества въ мифъ ассирійскій, санскрито-арійскій и т. п.“, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣль ученую увѣренность въ томъ, что „не легко эти мифы, какъ они содержатся у народовъ, превратить въ исторію, которую далъ народъ еврейскій“... „Наука“—говорилъ онъ—не всегда имѣеть „созидательныя средства“, но показываетъ иногда „только свои орудія разложенія“ ⁷⁾. И „чѣмъ болѣе накопляется данныхъ для удостовѣренія истинности еврейской исторіи, какъ она предложена намъ въ св. книгахъ, тѣмъ громче раздаются поистинѣ Едомскіе вопли: разрушайте разрушайте до основанія“ (Пс. 136⁷) ⁸⁾.

Пульзуясь трудами западныхъ ученыхъ, онъ внимательно разбирается въ „архитектурныхъ чертежахъ и планахъ: набросанныхъ опытною рукою“ Wellhausen'a, Stade, Seineske, Ewald'a, Meyer's ⁹⁾ и осуждаетъ беспочвенную и горделивую самоувѣренность этихъ „архитекторовъ“, вѣрящихъ въ то, что „истина есть привилегія только крайняго протестантства“ ¹⁰⁾. Но ненаучныя тенденціи западныхъ ученыхъ не скрыли отъ него дѣйствительно цѣннаго въ ихъ трудахъ. Онъ уважаетъ безпристрастіе Brugsch'a ¹¹⁾, Vigouroux ¹²⁾, Lenormant'a ¹³⁾, Baudissin'a ¹⁴⁾, и нерѣдко ссы-

⁷⁾ Прав. Обзор. 1876 г., ч. III, стр. 270.

⁸⁾ Годичный актъ въ Московской духовной академіи 1-го октября 1887. Отд. брош. (и Приб. къ Твор. св. Отц. 1887, Ч. XL), стр. 11.

⁹⁾ Ibid., стр. 14 и др.

¹⁰⁾ Ibid., стр. 51.

¹¹⁾ См., напр., его статья: „Древній Египетъ и исходъ Евреевъ“ (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1877 г. Январь, стр. 93—113), „сны фараона“ (Чт. въ Общ. люб. дух. просв., 1878 г. Январь, стр. 113—141), „Книга пророка Давида и открытія въ области ассириологии“ (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1883 г. стр. 306—326) и др.

¹²⁾ Годичный актъ въ Моск. дух. акад. Ор. cit. стр. 51, 58.

¹³⁾ Ibid. стр. 46. „О Наановой притчѣ“. Прав. обзор. 1889 г. Мартъ., стр. 572, 573. „Книга прор. Давида“... Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1883 г. Ор. cit. стр. 313 и др.

¹⁴⁾ Статья А. П. Смирнова: „Ветхій Заветъ и идея о единомъ Богѣ“

дается на ихъ авторитетъ. Онъ знаетъ серьезныхъ ассиріологовъ своего времени, какъ, напримѣръ, Schrader'a ¹⁵⁾, ученый авторитетъ котораго неоспоримъ и въ наше время. Воспринявъ въ сердце свое Слово Божіе и усвоивъ разумомъ данныя безпристрастной науки, онъ въ своихъ ученыхъ статьяхъ далъ синтезъ вѣры и знанія.

Всѣ, конечно, знаютъ, напримѣръ, о сильной, обличительной проповѣди пророка Іоны Ниневитянамъ. Но при чтеніи книги пророка Іоны возникаетъ рядъ вопросовъ: какъ Ниневитяне могли вѣрить въ Божественное посланничество Іоны, что значить постъ не только Ниневитянъ, но и скота— воловъ и овецъ, которые „не ходили на пастбище, не пили воды и были покрыты вретисцемъ“ (Іоны 3 7-8), въ какія формы могла выливаться молитва Ниневитянъ послѣ предписанія царя „крѣпко вопіять къ Богу“ (Іоны 3в)?.. Андрей Петровичъ ставитъ эти вопросы въ перспективу общей исторіи и, располагая данными послѣдней и ассиро-вавилонской клинописи, разрѣшаетъ ихъ. Онъ указываетъ на то, что „какъ на берегахъ Іордана знали о существованіи заклинателей и предсказателей на берегахъ Евфрата, такъ, наоборотъ, и на Тигрѣ и Евфратѣ могли знать о существованіи пророковъ съ береговъ Іордана“ ¹⁶⁾. По вопросу о постѣ животныхъ нашъ библеистъ замѣчаетъ, что еще Геродотъ и Плутархъ говорятъ объ азіатцахъ, привлекавшихъ къ посту и животныхъ. Вопросъ же „о крѣпкомъ вопіаніи“ къ Богу Ниневитянъ находятъ себѣ обстоятельное разрѣшеніе въ ссылкахъ на цѣлый рядъ ассиро-вавилонскихъ текстовъ ¹⁷⁾, содержащихъ религиозныя гимны или псалмы подъ заглавіемъ:

(Прав. обзоръ. 1877 г. Апр., стр. 716—760) изложена по Baudissin'y (Studien zur Semitischen Religionsgeschichte. Heft I, 1876). Baudissin напечаталъ свою статью въ 1876-мъ году, а въ слѣдующемъ году А. П. уже знакомитъ съ нею тѣхъ, кто интересуется историческою судьбою Ізраиля.

¹⁵⁾ „Историческія книги библіи и ассирійскія клинообразныя надписи“. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1873 г. Октябрь, стр. 341—375. Ср. статью А. П. Смирнова: „Обычныя дѣла въ старыя времена“. Отд. откъ изъ Душен. Чт. 1895 г. № 5, стр. 5—6.

¹⁶⁾ „Покаяніе Ниневитянъ“. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1879 г. Январь, стр. 72; ср. стр. 102.

¹⁷⁾ На аккадійскомъ языкѣ съ подстрочнымъ ассирійскимъ переводомъ. Покаяніе Ниневитянъ, Op. cit., стр. 75 и слѣд.

„Вопли покаяннаго сердца“. Высоко-поэтическій духъ этихъ гимновъ напоминаетъ псалмы Давида и многія мѣста изъ пророковъ еврейскихъ и изъ книги Іова. Вотъ маленькіе отрывки изъ всего того, что приведено Андреемъ Петровичемъ въ образецъ „покаянныхъ воплей“ вавилонянъ.

Я вкушаю пищу гнѣва,
Я пью воду сильной боязни ¹⁸⁾...

Господи мои недостатки весьма велики ¹⁹⁾,
Весьма велики мои грѣхи!
Мой Боже, мои недостатки весьма велики,
Весьма велики мои грѣхи!

Боже, знающій сокровенное,
Мои недостатки весьма велики, весьма велики мои грѣхи!

Я творю погрѣшности—
Бессознательно ²⁰⁾,
Я совершаю грѣхи—
Бессознательно,
Я питаю себя преступленіями..
Я хожу неправымъ путемъ...

Господь въ ярости своего сердца—
Онъ объѣмлетъ меня смущеніями ²¹⁾...

Я разливаюсь въ слезахъ—
И никто не беретъ меня за руку.
Я молюсь громкимъ голосомъ
И никто не выслушиваетъ меня!

¹⁸⁾ Андрей Петровичъ, какъ прекрасный знатокъ текста священныхъ книгъ, указалъ и параллели пзъ псалмовъ Давида къ древне-вавилонскимъ гимнамъ. Въ параллель къ этому мѣсту указанъ Пс. 101ю: „я ѣмъ пепель, какъ хлѣбъ, и питье мое растворяю слезамъ, отъ гнѣва Твоего“...

¹⁹⁾ Параллель: пс. 24и: „согрѣшеніе мое.. велико оно“.

²⁰⁾ Параллель: пс. 24г (ср. Іова 13ж): „грѣховъ юности моеи и преступленій моихъ не воспоминай“.

²¹⁾ Параллель: пс. 89г: „ибо мы исчезаемъ отъ гнѣва Твоего, и отъ ярости Твоей мы въ смятеніи“.

Я обезсилень, сокрушень,
И никто не спасаетъ меня ²²⁾.

.....
Господи, ты не отвергнешь твоего раба.
Среди бурныхъ волнъ спѣшу къ нему за помощію,
Простираю свои руки...

.....
Мои пороки весьма велики,—
Разорви ихъ, какъ покрывало ²³⁾...

Анализируя содержаніе этихъ гимновъ, Андрей Петровичъ находитъ, что гимны халдеи „можетъ быть болѣе, нежели какого либо другого языческаго народа древности, были проникнуты сознаниемъ человѣческой грѣховности, сознаниемъ необходимости смиренія и покаянія предъ Богомъ“ ²⁴⁾. „Насколько можно заключать изъ словоупотребленія, Ниневія должна была быть разрушена такъ, какъ разрушены были Содомъ и Гоморра“ ²⁵⁾. Но этого не случилось. Посты и молитвы даже язычниковъ, ихъ внутреннее расположеніе могутъ привлекать и на нихъ милость Божію и дары Святаго Духа (Дѣян. 10³⁰, 35 45) ²⁶⁾. И не удивительно, что ниневитяне вышли изъ своихъ молитвенныхъ храмовъ „оправданными“ ²⁷⁾, какими не выходили иногда израильтяне изъ своего іерусалимскаго храма.

А. П. Смирновъ говоритъ о книгѣ пророка Іоны: „можетъ быть ни одна изъ книгъ Ветхаго Завѣта съ древнихъ до послѣднихъ временъ не была предметомъ столькихъ посмѣяній, какъ книга пророка Іоны, ради ея сказочности и невѣроятности, причемъ одни считали ея содержаніе мифомъ, другіе сагою, третьи называли книгу, въ ея цѣломъ, аллегорією“ ²⁸⁾. И отдѣльный историческій моментъ—упоминаніе „о крѣпкомъ воплѣ“ Ниневитянъ становится для православнаго библеиста центральнымъ пунктомъ, исходя изъ котораго

---

²²⁾ Параллель: пс. 68²¹: „я изнемогъ, ждалъ состраданія, но нѣтъ его“...

²³⁾ Параллель: пс. 50.

²⁴⁾ „Покаяніе Ниневитянъ“, *op. cit.* стр. 81.

²⁵⁾ *Ibid.* стр. 87.

²⁶⁾ *Ibid.* стр. 90.

²⁷⁾ *Ibid.* стр. 109.

²⁸⁾ *Ibid.* стр. 91.

онъ освѣщаетъ не только этотъ отдѣльный моментъ, но утверждаетъ и авторитетъ цѣлой пророческой книги.

Всѣ знаютъ Наанову притчу. „Роскошная восточная фантазія едва ли будетъ когда либо въ силахъ выразить въ болѣе изящной формѣ и такъ высокоцѣломудренно рѣшеніе одного изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ жизни человека. Прекраснѣе по формѣ, цѣломудреннѣе по тону мы не знаемъ отвѣта на вопросъ, который едва не съ первыхъ дней міра (Быт. 6) и до сихъ дней трактуется или слишкомъ грубо или черезъ чуръ сентиментально платонически. Дикарь эгоистически говоритъ: если у меня крадутъ жену—это худо, а если я украду жену у другого—это хорошо. Не—дикари наставительно учатъ высшей современной морали: не давай ни одного поцѣлuya безъ любви... Притча Наана, не хитра по замыслу“²⁹⁾. И Андрей Петровичъ уясняетъ притчу Наана, пользуясь данными раввинистической литературы, справками изъ общей исторіи, описаніями быта палестинскихъ народовъ, клинописью. „Высокое достоинство Наановой притчи—въ ея простой непосредственности, въ ея нравственной чистотѣ образовъ и выраженій, немятущихъ дѣйственной ясности души грубымъ указаніемъ на грязное преступленіе заповѣди о цѣломудрїи. Притча болѣе говоритъ внутреннѣйшему органу воспрїятія—судящей совѣсти человѣческой, нежели органу внѣшнему—уху и затѣмъ воображенію“³⁰⁾. Далѣе слѣдуютъ частныя поясненія, которыхъ не сдѣлаетъ и не знаетъ тотъ, кто не знаетъ быта палестинскихъ народовъ. Такъ, говоря о темѣ и содержаніи притчи, Андрей Петровичъ замѣчаетъ: „еще и теперь у арабовъ въ обычаѣ держать особенно любимыхъ овецъ въ шатрахъ, какъ у насъ въ домахъ держать комнатныхъ собачекъ“³¹⁾; и то, что говорилъ Наанъ, могло быть взято прямо съ природы и совершаться ежедневно у племенъ живущихъ грабежемъ и насиліемъ, но не должно было совершаться нигдѣ безнаказанно. По этому Давидъ понялъ сначала притчу, какъ дѣйствительное событіе и съ гнѣвомъ высказалъ судъ надъ

²⁹⁾ „О Наановой притчѣ“. Правосл. Обзор. 1889 г. Т. I-й стр. 546—547.

³⁰⁾ Ibid. стр. 547.

³¹⁾ Здѣсь ссылка на D ä c h s e l 's. Heilige Geschichte des Alt. und N. Test. 1886. B. I. S. 899.

преступникомъ на точномъ основаніи закона Моисеева... Ты— тотъ человѣкъ, сказалъ Наанъ Давиду, вырвавъ у этого предполагаемаго праведника и ненавистника беззаконія— строгого судьи самоосужденіе. Этотъ моментъ, передаваемый притчею, вполне достоинъ кисти художника“³²⁾.

Говоря, затѣмъ, о современныхъ нестроеніяхъ въ эдемской блаженной брачной жизни, о власти женщины надъ мужчиною, Андрей Петровичъ вспоминаетъ предостереженія талмудистовъ, данныя мужчинамъ: „недобрый помысль сначала является къ намъ, какъ прохожіи странникъ, затѣмъ при нашемъ небольшомъ только вниманіи къ нему—становится гостемъ и напослѣдокъ оказывается хозяиномъ дома. Не слѣдуетъ пить изъ одной чаши и въ то же время бросать жадные взгляды на другую чашу. Кто слишкомъ пристально смотритъ на женщину, тотъ въ концѣ впадетъ въ грѣхъ. Даже еслибы отъ неудовлетворенной любви къ замужней женщинѣ грозила влюбленному опасность смерти, и въ такихъ случаяхъ говорили: „умри, но не удовлетвориай своему вождельбію“³³⁾. Это, конечно, сѣдая старина такъ говорила. Но есть старина и старѣе. На глиняныхъ табличкахъ загадочнаго до сихъ поръ аккадійскаго народа, писавшаго клиньями, дошли до насъ его судебные приговоры: „если жена оскорбитъ своего мужа, сказавъ ему: „ты мнѣ больше не мужъ“, ее должно бросить въ рѣку... Непотребную женщину можетъ взять каждый сынъ улицы... И тотъ же народъ, который писалъ на глини въшеприведенные законы, слагалъ въ то же время гимны богу огня и молилъ его „да будетъ человѣкъ чистъ, какъ внутренность неба“. „Отдаленные тысячелѣтіями отъ того народа, достигли-ли мы — не чистоты внутренности неба—а хотя чистоты нашей внутренней жизни, дающей намъ миръ? Какая нота слышна въ современномъ мірѣ?“—спрашиваетъ Андрей Петровичъ—и отвѣчаетъ: „очень давняя: всѣ мы режемъ какъ медвѣди и стонемъ какъ голуби“ (Ис. 589-10)³⁴⁾.

³²⁾ Ibid. стр. 547—548.

³³⁾ Hamburger, Real-Encycl. für Bibel und Talmud, B. I. S. 527; B. II. S. 1233. Wünsche, Der Babyl. Talmud 1887, B. II. S. 110. А. П. Смирновъ „О Наановой притчѣ“, op. cit. стр. 571—572.

³⁴⁾ Ibid. стр. 572—573.

Вездѣ, на всемъ печать паденья...

Любовь?... И въ ней какъ много скуки,
 Какъ много слезъ, тоски и зла...
 И чувственность на лоно муки
 Въ замѣну благъ насъ привела.
 Теперь любви одно названье,
 Какъ цвѣтъ засохшій, сберегли;
 Теперь мы ею облекли
 Страстей кипящія желанья ³⁵⁾...

Такъ Андрей Петровичъ умѣлъ придавать ученый и житейскій интересъ своимъ серьезнымъ статьямъ. Говоря о необходимости признавать бракъ „устойчивымъ“, онъ съ грустью заключаетъ статью „О Наановой притчѣ“: „если-бы великій еврейскій пророкъ явился среди насъ, долженъ былъ бы не въ одномъ „кедровомъ дворцѣ“ (Давида), а начиная отъ палатъ съ украшеніями изъ слоновой кости, едва не до послѣдняго пастушьяго шалаша, предлагать свою притчу, чтобы съ устъ преступниковъ срывать самоосужденіе своимъ грознымъ: ты—тотъ человекъ“ ³⁶⁾.

Всѣ слышали пророческое слово о Рахили, плачущей въ Рамѣ о дѣтяхъ своихъ (Иерм. 31; ср. Ев. Мѹ. 216-18). Но книга Бытія ничего не говоритъ о плачѣ Рахили о дѣтяхъ. Вѣдь, она имѣла только двухъ сыновей—Иосифа и Веніаміна, причемъ съ рожденіемъ послѣдняго кончилась ея жизнь. Откуда же образное библейское выраженіе о плачущей Рахили?

Многіе, несомнѣнно, не задавались этимъ вопросомъ, но Андрей Петровичъ ставитъ его въ статьѣ, предназначенной для широкой публики и навѣянной на него дѣломъ Скублинской, но дающей понять, что она написана ученымъ библеистомъ. Для разрѣшенія поставленнаго вопроса авторъ разбирается въ топографіи, опредѣляетъ географическое положеніе Рамы, указываетъ на близость гробницы Рихили къ этому городу и на то, что въ Рамѣ собраны были Навузар-

³⁵⁾ Соколовскій. Мірозданіе. День седьмой, 57. Андрей Петровичъ высоко цѣнилъ поэму Соколовскаго „Мірозданіе“, для которой уже къ его времени прошла пятидесятилѣтняя давность.

³⁶⁾ „О Наановой притчѣ“. Ор. cit. стр. 597.

даномъ скованные цѣпями плѣнные іерусалимляне и іудеи для переселенія въ Вавилонъ. „Естественно было находившемуся здѣсь же, между скованными и приготовляемыми къ переселенію, пророку обратиться къ близкой могилѣ матери младенца Бенони (Веніаминъ)—сына ея скорби—съ каковымъ названіемъ рожденнаго легла въ гробъ Рахиль“ (Іер. 40; Быт. 35:18) ³⁷⁾. Къ этому присоединяются и другія пояснительныя соображенія.

Нѣкоторые изъ немногихъ указанныхъ нами вопросовъ, затронутыхъ Андреемъ Петровичемъ, и доселѣ остаются неразрѣшенными, въ деталяхъ, вопросами въ нашей отечественной библейско-богословской литературѣ. Таковъ, на примѣръ, вопросъ объ отношеніи религіозныхъ древне-халдейскихъ гимновъ къ священной поэзіи израиля, а это—вопросъ громадной важности какъ для библеистовъ, такъ экзегетовъ и православныхъ апологетовъ.

Но не своими, специально-учеными работами,—думается,—оставилъ по себѣ память Андрей Петровичъ, не въ нихъ причина дважды выраженнаго почтенными профессорами и дважды позабытаго желанія видѣть труды Андрея Петровича въ особомъ изданіи ³⁸⁾. Причина этого „въ сверхдолжной службѣ отечеству, протекавшей изъ любви къ нему“ ³⁹⁾—въ его литературныхъ произведеніяхъ, предназначенныхъ для широкаго круга читателей.

Эти послѣднія произведенія особенно цѣнны „по глубокой своей назидательности, по силѣ и ясности убѣжденія, по своеобразной строгой красотѣ рѣчи, исполненной выраженіями и образами пророческаго слова“ ⁴⁰⁾. „Присматриваясь къ явленіямъ отечественной жизни, прислушиваясь къ рѣчамъ лицъ,

³⁷⁾ „Рахиль и дѣти“. Душен. Чт. 1890 г. Декабрь, стр. 584—588.

³⁸⁾ Первый разъ такое желаніе было выражено почившимъ профессоромъ Московской духовной Академіи И. Н. Корсунскимъ. См. Богословскій Вѣстникъ, 1895 г. Двадцатипятилѣтіе учено-литер. дѣят. профессоровъ А. П. Лебедева и А. П. Смирнова. Ор. cit., стр. 283. Вторично то же желаніе было выражено профессорами на помпированной трапезѣ послѣ кончины Андрея Петровича. Профессоръ А. П. Смирновъ (Некрологъ, слова и рѣчи въ память его). Отд. оттискъ изъ Богосл. Вѣстн. 1897 г. Январь. Стр. 20.

³⁹⁾ Слово профессора Н. А. Заозерскаго, пропавшее въ академическомъ храмѣ предъ отпѣваніемъ Андрея Петровича. Ibid. стр. 27.

⁴⁰⁾ Ibid.

выдававшихъ себя за руководителей современнаго общественнаго сознанія, едва не за пророковъ“, Андрей Петровичъ, руководясь „подлиннымъ пророческимъ словомъ“, откликался на эти явленія и на эти рѣчи или своимъ восторженно-радостнымъ привѣтствіемъ, или же негодованіемъ и осужденіемъ“ ⁴¹⁾. Онъ вникалъ въ смыслъ исторіи народа Божія и сопоставлялъ съ явленіями русской дѣйствительности сходныя и сродныя явленія этой исторіи. Строгий библиистъ становился, такимъ образомъ, проникновеннымъ библеистомъ-лѣтописцемъ.

Просматривая свои записи лекцій профессоръ и воспоминанія о нихъ и переносясь въ прошлое, я какъ-бы вижу серьезно-сосредоточенную фигуру библииста своего времени, послѣдній разъ читавшаго намъ свой курсъ и производившаго на нашемъ курсѣ свой послѣдній экзамень. Мы, его слушатели, понимали, что предъ нами былъ профессоръ, мыслившій и чувствовавшій по библейски ⁴²⁾. Но мы знали, что предъ нами былъ и человекъ, „который умѣлъ дать жизнь своей наукѣ и вѣкъ стѣнъ ученой аудиторіи“ ⁴³⁾. Это Андрей Петровичъ и дѣлалъ въ своихъ художественныхъ библейски-публицистическихъ произведеніяхъ. Въ нихъ „онъ не умеръ, но живъ и доселѣ“ ⁴⁴⁾. И хотя произведенія послѣдняго рода не предназначались для людей науки, для аудиторіи, хотя необыкновенная скромность какъ бы стирала имя автора подъ его статьями, но все угадывали творца ихъ и они вносились въ аудиторію. Эти произведенія вліяли даже рѣшающимъ образомъ на выборъ студентами семинарій именно московской Академіи ⁴⁵⁾, потому что и въ нихъ слышенъ былъ голосъ науки—голосъ „серьезный, правдивый и искренній“ ⁴⁶⁾.

Читавшій въ аудиторіи исторію Израиля, исторію созиданія царства Божія на землѣ, понималъ, что и міровая исто-

⁴¹⁾ Ibid.

⁴²⁾ Рѣчь студента 4-го курса Н. П. Никольна. Ibid. Стр. 44.

⁴³⁾ Ibid. Стр. 43.

⁴⁴⁾ Наша рѣчь, произнесенная при гробѣ Андрея Петровича. Ibid. стр. 48.

⁴⁵⁾ Рѣчь студ. 4-го курса А. К. Волына, стр. 41.

⁴⁶⁾ Рѣчь студ. 4-го курса А. А. Грибановскаго (нынѣ Анастасія—епископа Холмскаго). Ibid. стр. 33. Ср. также рѣчь студ. 4-го курса І. П. Кречетовича. Ibid. стр. 37.

рія и въ частности и въ особенности исторія русскаго народа должна-бы слагаться изъ такихъ моментовъ, которые содѣйствуютъ „возвращенію и водворенію челоувѣка на небо“ 47).

И слѣдя за жизнью русскаго народа, Андрей Петровичъ глубоко скорбѣлъ, если небо уходило отъ него, или, точнѣе, если онъ забывалъ небо. Его сѣтованія въ такихъ случаяхъ „доходятъ до высоты молитвеннаго обращенія къ Богу“ 48), которое мы читаемъ, напримѣръ, въ одной изъ его статей по поводу приближающагося новаго (1894-го) года 49). „Нашу виноградную лозу—скорбитъ библиеистъ-лѣтописецъ—въ теченіи немалого времени обрывали всѣ, проходящіе по пути, кому только того хотѣлось; лѣсной вепръ подрывалъ ее и полевой звѣрь объѣдалъ ее.. Послѣ того, какъ лисицами разрушены ограды, осталось много мусора, и виноградникъ оказался пожженнымъ огнемъ, обѣщеннымъ. Естественъ послѣ всего этого призывный голосъ: вы видите бѣдствіе, въ какомъ мы находимся... Пойдемъ построимъ стѣну! Благовременна и молитва къ Богу силь: призри съ неба, и воззри, и посѣти виноградъ сей; охрани то, что насадила десница Твоя, и отрасли, которыя Ты укрѣпилъ Себѣ (Пс. 79¹³⁻¹⁷). Съ восходомъ солнца новаго года, когда выходитъ челоувѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера (Пс. 103²²⁻²³), да взойдетъ къ Солнцу Правды и наша пламенная молитва: ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны Іерусалимскія (Пс. 50²⁰). Да возстанетъ первымъ великій священникъ (и братья его священники), какъ пастырь добрый овцамъ, и зоветъ овецъ своихъ по имени, и выводитъ ихъ и ходитъ предъ ними (Іоан. 10³⁻⁴), чтобы строить сначала овечьи ворота, какъ это было въ старое время, при построеніи іерусалимскихъ стѣнъ (Нееміи 3¹). Но пусть за пастыремъ идутъ и овцы для дальнѣйшихъ построекъ, хотя бы только противъ своего дома. Да не

47) Ср. рѣчь студ. 2-го курса П. С. Петровыхъ (нынѣ епископа Ростовскаго Іосифа, бывшаго до своего епископства профессоромъ по кафедрѣ Библейской исторіи въ Моск. дух. Академіи). Ibid. стр. 31.

48) Слово проф. Н. А. Заозерскаго. Op. cit. стр. 28.

49) „Башня желаній“. Op. cit. стр. 15.

ослабѣваетъ сила у носильщиковъ при видѣ того, что мусора очень много и мы, какъ будто, не въ состояніи строить стѣну“ (410). Это скорбь и молитва за Русскую землю...

Нѣтъ возможности излагать въ хронологической послѣдовательности содержаніе всѣхъ публицистическихъ статей Андрея Петровича. Мы скажемъ только объ основномъ тонѣ ихъ. Въ противномъ случаѣ нужно было бы писать цѣлое сочиненіе о сочиненіяхъ его, потому что почти на каждой страницѣ у него яркіе образы и сравненія. Онъ вглядывался во всѣ явленія духовной и соціальной жизни Русскаго народа, говорилъ къ сердцу мудрецовъ и простецовъ, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей и, останавливаясь на частныхъ случаяхъ, указывалъ общіе руководящіе принципы. О немъ можно сказать словами поэта, которыя онъ самъ приводитъ въ своемъ замѣчательномъ „весеннемъ призывѣ“ ⁵⁰⁾:

Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта:
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта.

Однако въ цѣломъ отклики на запросы времени были скорѣе голосомъ скорби, чѣмъ словомъ привѣта.

Когда библенистъ-лѣтописецъ слышалъ въ сердцѣ своемъ какъ бы высшій призывъ записать „знаменательный день“, то таковымъ днемъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывался день скорби (ср. прор. Іезек. 24з) ⁵¹⁾.

Основной тонъ этихъ откликовъ хорошо слышится, напримѣръ, въ его думахъ—печальяхъ „о современномъ кострѣ“. Ненормальныя явленія въ религіозной и общественной жизни заставляютъ вспомнить его тотъ костеръ, который пылалъ въ Іерусалимѣ на дворѣ первосвященниковъ іудейскихъ Анны и Каиафы въ началѣ апрѣля 34-го года по Р. Х. въ ночь на пятницу. Послѣ взятія Іисуса толпа возбужденнаго народа грѣлась у этого костра. Здѣсь былъ и апостоль Петръ.

⁵⁰⁾ Баратынскій. См. „Весенній призывъ“. Душеп. Чт. 1890 г. Май. стр. 105.

⁵¹⁾ „Записанный день“ (десятый девъ десятаго мѣсяца, девятаго года). Изъ жизни пророка Іезекіиля. Отд. оттискъ изъ Душеп. Чт. 1890 г. Февр.—Мартъ. Стр. 2.

вмѣшавшійся въ грѣвшуюся толпу. И вотъ ему предлагаются три однородныхъ вопроса: не изъ учениковъ ли онъ Иисуса?... И отрекается Петръ при „обличеніи—въ упоръ“. Уличаемый началъ клясться, что не знаетъ Человѣка, о Которомъ говорятъ. Замѣтивъ взглядъ Христа при пѣннн пѣтуха, Петръ вышелъ вонъ и горько заплакалъ. А по преданію съ этой ночи на пятницу во всю послѣдующую жизнь Апостоль не могъ безъ горькихъ слезъ выслушивать пѣніе пѣтуха ⁵²⁾. Памятенъ библиеисту и другой костеръ. „Была другая ночь. Видень разложенный огонь, но не на Іерусалимскомъ первосвященническомъ дворѣ, а на берегу Тиверіадскаго озера. Видень и Христось, но не подсудимый, а со властію суда (Іоан. 522, 27), смотрящій на Петра не издали, а вблизи. Видень и Петръ, не трижды отрекающійся, а трижды возстановляемый въ своемъ апостольскомъ достоинствѣ“ (Іоан. 21 4-18). И далѣе слышится призывъ библиеиста обратиться отъ Петра къ самимъ себѣ. И въ отвѣтъ на этотъ призывъ раздаются голоса отреченія. „При каждомъ кострѣ, гдѣ бы мы ни думали обогрѣться въ наше темное и холодное время, насъ встрѣчаетъ толпа назойливыхъ слугъ и служанокъ времени съ вопросами, приводящими насъ въ смущеніе. И если мы будемъ внимательны, у нашихъ костровъ, при бесѣдѣ о Христѣ и христіанствѣ, мы услышимъ древнее же слово отреченія: не знаю человѣка; не понимаю, что ты говоришь... Тотъ Петръ, въ котораго иные готовы бросать камнями, есть никто иной, какъ самый видный и характерный представитель нашего времени, казнь котораго они, почему то, не замѣчаютъ и не чувствуютъ, что казнятъ самихъ себя. Старый костеръ на дворѣ первосвященническомъ еще не погасъ и отреченія не замолкли. Тѣ же Петры, тѣ же служанки, и тотъ же обличающій внимательнаго взоръ Господа, рѣдко кѣмъ замѣчаемый“ ⁵³⁾.

Читающій эти строки невольно вспомнить нашихъ знаменитыхъ церковныхъ ораторовъ, каковы, на примѣръ, Иннокентій Херсонскій, Іоаннь Смоленскій. Только они могли говорить такъ, хотя, быть можетъ, и менѣе строгимъ библейскимъ языкомъ.

⁵²⁾ „У современнаго костра“. Душен. Чт. 1880 г. Сентябрь. Стр. 59—65.

⁵³⁾ Ibid. Стр. 66.

Но продолжимъ выписку изъ этого картиннаго сравненія, гдѣ художникъ слова подводитъ читателя къ современному костру. Вотъ у одного изъ нихъ онъ выслушиваетъ слово новаго осужденія Христу и христіанству—и уже не видитъ горькихъ слезъ Петра, не слышитъ раскаянія ⁵⁴⁾. Онъ подслушиваетъ рѣчи у другого костра: здѣсь осуждаются бракъ и семья во имя свободы, точнѣе произвола. А современный Петръ боится „сказать среди толпы слугъ и служанокъ слово своего справедливаго негодованія. Онъ смягчаетъ свои раннѣйшія воззрѣнія, находитъ оправданіе рѣчамъ слугъ и служанокъ—и отходитъ отъ костра съ отрицаніемъ: конечно, эмансипація женщины... гражданскій бракъ... несходство характеровъ. А влѣдѣ ему несутся голоса: развѣ я не видѣлъ тебя въ семьѣ, проповѣдывавшимъ, будто всякій, кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (Мф. 5²⁸)? Растеряннымъ уходитъ современный Петръ подъ презрительнымъ взглядомъ современной служанки. Уходитъ онъ отъ костра съ облегченной грудью, что не посрамилъ себя исповѣдію воззрѣній, считающихся устарѣлыми и отжившими. Въ этомъ прелюбодѣйномъ мірѣ онъ и самъ показалъ себя отчасти прелюбодѣемъ“ ⁵⁵⁾.

„А вотъ и еще костеръ на современномъ дворѣ. И здѣсь толпа и здѣсь толки. Горячія рѣчи идутъ о другомъ: рѣшаютъ вопросы государственной, общественной жизни. Говорятъ о томъ, позволительно ли современному человѣку давать подать кесарю или нѣтъ? Давать ли ее, или не давать (Мр. 12 ¹⁴)? Одинъ поднятый вопросъ вызываетъ другой: что такое кесарь, что такое власть?.. Но среди этой разнузданной толпы находятся лица, которымъ кажутся дикими подобныя сужденія. Они убѣждены, что власть и повиновеніе ей—совершенная необходимость. И вдругъ планъ размысленій прерываетъ служанка вопросомъ: а, ты Галилеянинъ? Ты изъ учениковъ Того, Кто сказалъ, что всякая власть дана свыше (Юан. 19 ¹¹)? Ты защитникъ отжившей формы жизни, гдѣ все, ищущее свободы, стремящееся къ равенству экономическому

⁵⁴⁾ Ibid. Стр. 67—68.

⁵⁵⁾ Ibid. Стр. 69—70. Измеченіе изъ статьи А. П. приводится съ небольшимъ сокращеніемъ.

и общественному, падаетъ жертвою властолюбія единицъ? И подъ градомъ такихъ упрековъ теряется, уступаетъ современный Петръ“...

„И къ какимъ бы кострамъ еще мы не подходили, какихъ бы рѣчей собравшейся около нихъ толпы ни были слушателями,—если сюда является современная служанка съ древнимъ вопросомъ: ты изъ учениковъ Его?—она непременно находитъ своего Петра. Отрекающійся, но нераскаявающійся, а скорѣе внутренно довольный тѣмъ, что вторилъ, хотя и неискренне, голосу современной служанки, Петръ—это типъ нашего времени, и типъ, разумѣется, жалкій, типъ ни холоднаго, ни горячаго; типъ—жалкій сравнительно съ типомъ настойчивой и откровенной служанки. Внутренняя сила на сторонѣ послѣдней (Апок. 3 15)“.

„Какъ образуется этотъ жалкій типъ людей, стыдящихся Христа и Его словъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ (Мр. 8³³)? На какой почвѣ, подъ какими вліяніями онъ воспитывается?“—спрашиваетъ библеистъ. Нѣтъ надобности далеко ходить за отвѣтомъ. Ранѣе отреченія Петра, въ ночь на пятницу, этотъ отвѣтъ данъ намъ Тѣмъ Самымъ, исповѣдать Котораго Петры стыдятся, отъ Кого отрекаются предъ служанками,—данъ въ извѣстной притчѣ о сѣятелѣ и сѣмени. Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя. И когда онъ сѣялъ, иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ не много было земли; и скоро возшло, потому что земля была не глубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло... Итакъ, вотъ какова почва и условія, при которыхъ являются Петры“... „Давно пропедшая историческая ночь на пятницу, какъ будто, еще не миновала или наступила вновь. То же отреченіе Петровъ отъ Христа на вопросы служанокъ, то же удаленіе отъ костровъ,—только безъ прежнихъ слезъ, безъ прежняго раскаянія и исправленія“ ⁵⁶⁾...

Въ заключеніи Андрей Петровичъ говоритъ о замѣчательномъ произведеніи кисти художника Габріеля Макса. Послѣдній изобразилъ ликъ Христа, увѣнчаннаго терновымъ вѣнцомъ. „Эта картина удачно выражаетъ идею всевѣднія Господа и въ то же время можетъ служить пробнымъ камнемъ для испытанія степени внимательности человѣка-зрителя. Въ

⁵⁶⁾ Ibid. Стр. 70—72.

приложеніи же къ настоящей рѣчи картина именно выражаетъ тотъ взглядъ Господа, Который Онъ бросилъ на отрешающагося Апостола и который уловилъ хотя не постоянный, но внимательный ученикъ Его... При бѣгломъ, хотя бы и ближайшемъ обзорѣ, можно замѣтить только то, что очи Христа глубоко опущены долу. Кажется, Онъ ничего не видитъ. Онъ какъ будто намѣренно закрылъ Свои очи, чтобы не видѣть того, что кругомъ совершается, чтобы не видѣть отрекающихся отъ Него Петровъ. Но чѣмъ болѣе мы всматриваемся въ ликъ Христа съ опущенными долу очами, ничего, какъ будто, не видящаго, тѣмъ болѣе и яснѣе замѣчаемъ, что прямо на насъ обращенъ Его глубокой, пронизывающій взглядъ... Этотъ пронизывающій взглядъ Христа сквозь опущенныя, повидимому, вѣжды способенъ наводить на размышленія и отрадныя и скорбныя, смотря потому, какъ кто вель себя у современнаго костра⁵⁷⁾.

У главныхъ современныхъ костровъ Андрею Петровичу какъ бы нанесены были три никогда незаживавшихъ раны. Онъ говорилъ о нихъ и ранѣ сентября 1880-го года—времени появленія статьи „У современнаго костра“. Онъ будетъ говорить о нихъ и до смерти... Эти раны не давали ему покоя, потому что они причинялись чуткому человѣку. Но чуткій, онъ былъ и благороденъ. Словъ обличенія онъ не собиралъ съ торжищъ. Предъ нимъ всегда былъ свѣтильникъ Слова Божія. Имъ онъ и освѣщаль дѣйствительность.

Тысячами смотрѣли на скромнаго библеиста-лѣтописца ранившіе его сердце, какъ сердце одного изъ многихъ. Но онъ, говорившій одинъ за многихъ, не оттачивалъ стрѣлъ личнаго негодованія.

Старый городничій старо-русскаго грязнаго уѣзднаго города увидить кругомъ себя „архиплутовъ“, „протобестій“, „козлиныя бороды“, „свинныя рыла вмѣсто лицъ“⁵⁸⁾. Беллетристъ—писатель обратитъ вниманіе на вѣрность такой характеристики „ошеломляющаго“ русскаго „тумана“ и не упомянувши о томъ, что онъ и самъ, вѣдь, какъ городничій, сгушаетъ этотъ туманъ⁵⁹⁾... Образы библеиста мягче, вырази-

⁵⁷⁾ Ibid. стр. 73—74.

⁵⁸⁾ Гоголь, Ревизоръ.

⁵⁹⁾ Ср. Мережковскій, Гоголь. 1903. СПб, стр. 31.

тельнѣе. Онъ видитъ „лѣсныхъ вепрей“, „полевыхъ звѣрей“, объѣдающихъ „виноградную лозу“, „лисицъ, разрушающихъ ограду“ и груды „мусора“ ⁶⁰⁾.

Но слыша о вепряхъ и мусорѣ и видя ихъ, библеистъ ищетъ священниковъ-врачей души и тѣла ⁶¹⁾, благовѣстниковъ Слова Божія ⁶²⁾, зоветъ „Филипповъ“ дней апостольскихъ „къ внухамъ“, „въ трудную и вмѣстѣ самую важную для послѣднихъ минуту“ ⁶³⁾— „въ моментъ колебаній и исканія ими истины“ ⁶⁴⁾.

Какъ бы соизмѣряя три силы: Божескую, человѣческую и дѣвольскую, Андрей Петровичъ показываетъ, какъ двѣ послѣднихъ силы пытаются обезсилить силу Божественную. „Сказалъ Богъ: сотворимъ чѣловѣка... да владычествуетъ надъ землею“ (Быт. 1 26-28) „Сказалъ змѣй: вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло“ (3 4-5). „Сказали (люди) другъ другу: надѣлаемъ кирпичей и построимъ себѣ городъ и башню, высоту до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя“ (11 3-4). Въ этихъ трехъ призвахъ указанъ основной моментъ расхожденія чловѣка съ Богомъ. Богъ призвалъ чловѣка къ разумному и скромному „владычеству надъ землею“ ⁶⁵⁾, но чловѣкъ вышелъ „изъ круга дозволеннаго въ область совершенно недозволеннаго“. Покоряя природу себѣ, онъ, „какъ конь, какъ лошакъ несмысленный“ (Ис. 31 9), не хочетъ покорить своей воли Богу ⁶⁶⁾.

Чловѣкъ не задумается, быть можетъ, теперь надъ вопросами, которыми „Совершеннѣйшій въ знаніи“ (Иовъ 37 16) испытывалъ Иова. „Кто положилъ мѣру землѣ?.. Кто затворилъ море воротами? Нисходилъ ли ты въ глубину

⁶⁰⁾ „Башня желаній“, Ор. cit. стр. 15.

⁶¹⁾ „Права обязанности священниковъ—врачей по закону Моисееву въ отношеніи прокаженныхъ“ (по поводу противоположныхъ мѣропріятій). Душеп. Чт. 1892 г. Сентябрь. Стр. 178—194

⁶²⁾ „Благовѣстническая доля“. Душеп. Чт. 1885 г. Январь. Стр. 33—53.

⁶³⁾ „Желанная встрѣча“ (по поводу появленія новыхъ сектъ). Душеп. Чт. 1881 г. Январь. Стр. 60.

⁶⁴⁾ Ibid. стр. 59.

⁶⁵⁾ „Владычество чловѣка“. Отд. оттискъ изъ Душеп. Чт. 1895 г. Январь.

⁶⁶⁾ Ibid. Стр. 3, 18.

моря? Обозрѣлъ ли ты широту земли? Входилъ ли ты въ хранилища свѣга? По какому пути разносится восточный вѣтеръ? Кто проводитъ протоки для изліянiя воды, и путь для громоносной молніи? Знаешь ли ты уставы неба? Можешь ли посылать молніи, и пойдутъ ли онѣ и скажутъ ли тебѣ: вотъ мы! Давалъ ли ты приказанiя..., чтобы земля измѣнялась, какъ глина подъ печатью?“ (Говъ 38 4-35). Астрономiя, исторiя, топографiя, механика, физика, геометрiя, дадутъ отвѣты на всѣ эти вопросы. Но знанiе „созидаетъ только тогда, когда ему предшествуетъ и сопутствуетъ добрая воля“. Безъ этого „будутъ рѣзать по правую сторону—и останутся голодны: и будутъ ѣсть по лѣвую—и не будутъ сыты, каждый будетъ пожирать плоть мышцы своей: Манассiя—Ефрема и Ефремъ Манассiю, оба вмѣстѣ — Іуду“ (Ис. 9 20 21). „Сирiяне съ востока, Филистимляне съ запада,—будутъ они пожирать... полнымъ ртомъ“ (Ис. 9 12). Такъ сильный можетъ, при одномъ холодномъ знанiи, „ѣсть безсильнаго во весь ротъ“ 67). И ѣдятъ!—сказали бы теперь почившіи библеисты. „Утерянъ секретъ, — „быть довольнымъ“ 68)... Человѣчество опирается теперь на „три жезла“—на „опытъ, разумъ и науку“ 69), съ которыми и восходитъ на вершину гордости. И гордецы множатся, такъ какъ „у зла болѣе пособниковъ, нежели у добра“ 70). Гордость всюду. Гордость развиваетъ „аппетитъ“ къ властолюбію, которое одновременно зоветъ и къ свободѣ отъ власти и, подмѣняя понятiе христіанской свободы, предлагаетъ обществу хлѣбъ, но „хлѣбъ недопеченный“ 71).

„Аппетиты отдѣльныхъ лицъ превращаются иногда въ аппетиты цѣлыхъ народовъ. Результатъ этого—„вѣчный голодъ“ 72). Такіе народы нуждаются „въ постоянной пиццѣ“—и они „объявляютъ войну противъ того, кто ничего не кладетъ имъ въ ротъ“ (Мих. 3 в). Царства, стремящiяся къ обла-

67) Ibid. Стр. 22—23.

68) „Утерянный секретъ“. Душен. Чт. 1892 г. Мартъ. Стр. 494—516.

69) Ibid. Стр. 509.

70) Ibid. Стр. 499.

71) „Недопеченный хлѣбъ“. Душен. Чт. 1891 г. Январь.

72) „Тиръ и причины его паденiя“. Душен. Чт. 1878 г. Июнь. Стр. 181.

данію всѣмъ міромъ, прекрасно характеризуютъ пророки. „Эти царства требуютъ отъ всѣхъ безмолвнаго подчиненія“. И міръ слышитъ рѣчи самоуслажденія: „я—и никто, кромѣ меня“ (Исаіи 47 7, 8, 10); рѣчи самоувѣренности: „кто придетъ ко мнѣ“? (Іер. 49 4); рѣчи грубаго насилія: „пади ницъ, чтобы намъ пройти по тебѣ“! И вотъ, хребетъ людей дѣлается какъ бы землю и улицую для этихъ проходящихъ великановъ (Исаіи 51 23); а только мирный заговоритъ, они—къ войнѣ (Пс. 119 7). Пресыщенныхъ и вмѣстѣ вѣчно голодныхъ гордость облегаетъ, какъ ожерелье, и дерзость одѣваетъ ихъ, какъ нарядъ. Уже выкатываются глаза ихъ отъ жира, а жадные помыслы все еще бродятъ въ сердцѣ. Они надъ всѣмъ издѣваются, говорятъ свысока, поднимаютъ къ небесамъ уста свои, и языкъ ихъ расхаживаетъ по землѣ (Пс. 72 6-9) съ высокоумною рѣчью: „силою руки моей и моею мудростію я сдѣлаю это. И никто не пошевелилъ крыломъ и не открылъ рта, и не пискнулъ“ (Ис. 10 13). Какая исполнинская сила! Какое ясное сознание этой силы! Какая не менѣе ясная наглость исповѣди объ ея приложеніи: никто не пошевелилъ крыломъ и не пискнулъ!“⁷³). Это сказано было библейстомъ въ осужденіе народовъ (Генуя, Венеція, Англія), желавшихъ превратить свои страны въ „огромныя конторы“ съ „купцами-милліонерами“, что бы „ворочать всѣмъ міромъ съ точки зрѣнія кармана“⁷⁴). Это же сказалъ бы Андрей Петровичъ въ особенности теперь, когда вскрылись горделивые замыслы германцевъ, когда начался „шумъ и гвалтъ вертепа разбойниковъ“.

Голодають и отдѣльные гордецы. Успѣхи надменнаго сердца и тщеславіе высоко-поднятыхъ глазъ кружатъ голову (Исаіи 10 5-12). Сѣкира начинаетъ величаться предъ Тѣмъ, Кто рубитъ ея; пила гордится предъ Тѣмъ, Кто двигаетъ ея; жезлъ возстаётъ противъ Того, Кто поднимаетъ его (Исаіи 10 15). Громко поется высокоумная пѣснь своему величію, и—vae victis всѣмъ другимъ: „восторжествую, раздѣлю Сихемъ и долину Сокхоѣъ размѣрю!“ (Пс. 59 8-10)⁷⁵). „Не всѣ и не каждый,—за неимѣніемъ, впро-

⁷³) Ibid. Стр. 182.

⁷⁴) Ibid. Стр. 186.

⁷⁵) „Утерянный секретъ“. Op. cit., стр. 502.

чемъ, случаетъ,—намѣрены ломать старыя житницы; но едва ли за всѣми и каждыиъ не считается тайнаго—желаннаго: если бы... Гордецы ничѣмъ не довольны: имъ кажется слишкомъ узкимъ одѣяло, чтобы завернуться въ него такъ, какъ бы желалось“ (Исаи 28 10) ⁷⁶). „Въ мудрецахъ и талантахъ всякаго рода сидитъ и вѣчно работаетъ бѣсъ всяческихъ страстей — честолюбія, зависти, властолюбія, словомъ, всего, что разъединяетъ людей“ ⁷⁷). За всѣхъ гордецовъ и властолюбныхъ людей давно уже признался Иродъ, сказавъ, что онъ не хотѣлъ бы быть царемъ въ пустынѣ ⁷⁸).

Отсюда поиски власти тѣми, кто не призванъ къ власти, отсюда „ковы противъ законной власти“ ⁷⁹). Отсюда непониманія того, что только „въ царствѣ Христа“, а не „въ царствахъ міра сего можетъ тихо развѣваться знамя съ золотыми словами братства, равенства и свободы“. Отсюда закликающій зовъ волковъ въ овечьей одеждѣ „въ свое звѣриное стадо“ ⁸⁰).

Негодуетъ библеистъ-лѣтописецъ на нестроенія, но и вѣруетъ въ непреложность Божественнаго суда надъ горделивыми помыслами и дѣяніями народовъ и отдѣльныхъ лицъ.

Пусть увѣренно заявляютъ народы: „Я—и ни кто кромѣ меня“... На это, разъ навсегда, отвѣтилъ голосъ правды Божіей: „есть истребительная метла, которая сметаетъ острова, какъ порошокъ“ (Ис. 14 23; 40 15). Знаменитый древній Тиръ давно уже—голая скала (Ис. 23; Іезек. 26—28) и много славныхъ городовъ, гордившихся своимъ богатствомъ, погибло ⁸¹). Въ нихъ не воскреснетъ болѣе изжитое чувство чести. И какъ изживается это чувство! Люди плюютъ въ лицо самолюбленной гордости (Числ. 12 14), а она не замѣчаетъ этого и говорить: мы сами себѣ господа (Іер. 225, 31). „Таковъ обычай жены прелюбодѣйной,—поѣла и обтерла себѣ ротъ и говорить: „я ничего худого не дѣ-

⁷⁶) Ibid. Стр. 503.

⁷⁷) Ibid. Стр. 508.

⁷⁸) „По поводу событія 19 Ноября, 1879 г“. Отд. оттискъ изъ Душеп. Чт. 1880 г. Янв. стр. 17.

⁷⁹) Ibid. Стр. 18.

⁸⁰) Ibid. Стр. 6—7.

⁸¹) „Тиръ и причины его нападенія“. Op. cit. Стр. 183—187.

лала“ (Пр. Сол. 30 20). Она „идеть на старую дорогу и испатываетъ обувь“ ⁸²⁾.

Можетъ быть—спрашиваетъ библиейстъ — рѣчи древнихъ пророковъ и мудрецовъ уже устарѣли? Можетъ быть не остается сдѣлать лучшаго, какъ отрѣзать ихъ писцовымъ ножичкомъ и бросить на огонь въ жаровню (Іер. 36 23), такъ какъ пророкъ не пророчествуетъ добраго (3 Ц. 22 8), и въ свиткахъ написано внутри и снаружи: плачь, и стоны, и горе? (Іез. 2 10). И отвѣчаетъ: „сколько бы мы ни уничтожили свитковъ, напишутся другіе и въ нихъ всѣ прежнія слова и еще къ нимъ прибавлено будетъ много подобныхъ тѣмъ словъ“. Ихъ напишетъ исторія ⁸³⁾.

Но пусть „жадная земля“ (Пр. Сол. 30 16) воспитываетъ недовольныхъ людей, „пустъ похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская (1 Іоан. 2 16) становятся все похотливѣе“, пусть громче и громче отовсюду раздаются голоса дочерей ненасытной пѣявицы: „дай! дай!“ (Пр. Сол. 30 15) ⁸⁴⁾... На это мудро отвѣтятъ смиренныя русскіе люди. Голосъ ихъ можно слышать, напримѣръ, въ „Сергіевой вотчинѣ въ Сергіевъ день“. Непризванные „печальники и опекуны темнаго русскаго народа“ ⁸⁵⁾ и „въ безлунныя ночи и въ безсолнечные дни“ (Іс. 13 10) ⁸⁶⁾ могли бы, если бы пожелали, видѣть свѣтъ въ смиреніи. Это смиреніе, по средству душъ, преклоняется только предъ смиренными. „Подвижная и предательски измѣнчивая людская память забудетъ много ⁸⁷⁾, но не забудетъ смиреннаго сердцемъ—преподобнаго Сергія „темный“ народъ. Онъ идетъ и будетъ идти въ „Сергіеву вотчину“ и въ отвѣтъ на вопросъ: „увидитъ ли онъ преподобнаго“—скажетъ всякому вопрошающему; „мы то его, можетъ быть, и не увидимъ, да онъ насъ увидитъ; мы его мало знаемъ,—да онъ хорошо знаетъ наши нужды“ ⁸⁸⁾. Гордость будетъ мечтать о довольствѣ, о славѣ, о роскоши, а смиреніе

⁸²⁾ Ibid. Стр. 187.

⁸³⁾ Ibid. Стр. 189.

⁸⁴⁾ Ibid. Стр. 510, 493.

⁸⁵⁾ „Народная воля“. Прав. Обозр. Май. Стр. 222.

⁸⁶⁾ „Ночь“. Душеп. Чт. Іюль. Стр. 298.

⁸⁷⁾ „Сергіева вотчина въ Сергіевъ день“. Отд. оттискъ изъ Душеп. Чт. за 1892 г. № 12. Стр. 3.

⁸⁸⁾ Ibid. Стр. 7.

живо представить себѣ „деревянный храмъ и всепощное бдѣніе въ немъ, когда съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтила чтенію и пѣнію, по сердца молящихся горѣли ясныя свѣщи, и пламень ихъ досягалъ до неба, и ангелы восходили и нисходили въ пламени жертвы духовной“⁸⁹). Смирение духовно войдетъ, далѣе, „въ тѣсную келлію, чтобы вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его..., облобызаетъ прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной“⁹⁰). Для смиренія смиренный подвижникъ преподобный Сергій и донныѣ „живой дѣятель“, какимъ онъ былъ, на примѣръ, для царя Алексѣя Михайловича, писавшаго однажды благодарственное „посланіе“ „на имя“ преподобныхъ Сергія и Никона съ упоминаніемъ о томъ, что „чудотворцы“ „отъ печали утѣшили“ его и дали побѣду надъ врагами⁹¹)...

Отъ смиренія нигдѣ не скроется благочестіе: ни на страницахъ исторіи, ни въ дремучихъ лѣсахъ. Оно знаетъ, что подвижники вѣры и благочестія не будутъ „отдыхать“ и послѣ своей кончины. Они „не стоятъ на пути, гдѣ складываютъ руки, они поселяются тамъ, гдѣ за Русскую землю предстательствуютъ святые, гдѣ пишется священная лѣтопись Божьяго народа, откуда чудодѣйствуетъ Сергій“⁹²). И вотъ народъ цѣнитъ именно такихъ неотдыхающихъ дѣятелей съ добрымъ сердцемъ, дорогимъ въ наше „малосердечное время“⁹³).

Объ оптинскомъ старцѣ Амвросіи, такъ любимомъ и уважаемомъ Русскимъ народомъ, рассказываютъ: въ послѣдніе дни онъ сталъ глухъ и нѣмъ. Разъ какъ-то старецъ проговорилъ: „вы все не слушаетесь, вотъ и отнялъ у меня Богъ даръ слова, и слухъ отнялъ, чтобы не слышать, какъ вы проситесь жить по своей волѣ“. Андрей Петровичъ выписываетъ эту русскую памятку о русскомъ смиренномъ чело-

⁸⁹) Ibid.

⁹⁰) Изъ слова и рѣчей Синодальнаго члена Фларета, Митрополита Московскаго. Изд. 2. Ч. 2. Москва 1848 г. стр. 67—68. Ibid. стр. 7—8.

⁹¹) Ibid. Стр. 12—14.

⁹²) „Спорительница хлѣбовъ“. Душеп. Чт. 1892 г. Январь Стр. 111.

⁹³) Ibid. Стр. 110—111..

вѣкъ и поясняетъ, что „беззавѣтно вѣровавшее и беззавѣтно любившее сердце, безграничное, всеобъемлющее, какъ наша Русь православная, никогда не отдыхало: оно звало къ закону и откровенію—и народъ понималъ этотъ зовъ,—такъ понималъ, что не могъ даже представить себѣ, какъ можно жить безъ такого старца, если онъ умретъ. Почитатели о. Амвросія желали, чтобы доброе сердце его никогда не отходило отъ нихъ—и отецъ Амвросій успокаиваетъ ихъ: „ужь если я съ вами тутъ все возился, то тамъ-то отъ васъ ужь вѣрно не уйдешь“⁹⁴⁾. И библиеистъ, вмѣстѣ съ старцемъ Амвросіемъ, но неизмѣнно языкомъ Библии говорить, что для любви нѣтъ пространства и времени. И какъ художественно и оригинально точенъ языкъ вѣрующаго библиеиста. Говоря о подвигахъ старца Амвросія и о вліяніи его на народъ, желавшій освѣтить свои „потемки“, библиеистъ подтверждаетъ силу этого вліянія заявленіями вѣрующихъ, замѣчая, что всё сказанное о старцѣ Амвросіи „пережито. Испытано. Удостоверено“⁹⁵⁾.

Говоря въ другомъ мѣстѣ о настроеніи смиренія, библиеистъ показываетъ, что смиреніе, соединенное съ христіанскою любовью, умѣетъ разбираться въ самыхъ сложныхъ явленіяхъ общественной жизни, умѣетъ отвѣчать на людскія страданія.

Кончина мученика-Государя Освободителя заставляетъ библиеиста какъ бы идти ко гробу его вмѣстѣ съ смиренною Русью. „Пойдемъ—приглашаетъ онъ—ко гробу съ истерзаннѣмъ трупомъ и спросимъ: отчего же эти раны по рукамъ твоимъ?“ И слышенъ отвѣтъ: „такъ я израненъ въ домѣ любящихъ меня“ (Зах. 13 в)⁹⁶⁾. И призывая, далѣе, русское общество къ самоосужденію за покушенія на Государя и за его убійство, Андрей Петровичъ говоритъ съ негодованіемъ о неблагодарной расплатѣ: „мы платили. Мы платили по срокамъ, исправно. Много платили... А 1-го марта 1881 г. совсѣмъ дочиста уплатили. Уплата произведена!.. Эта уплата запишется желѣзнымъ рѣзцомъ“⁹⁷⁾.

⁹⁴⁾ Ibid. Стр. 112—114.

⁹⁵⁾ Ibid. Стр. 111.

⁹⁶⁾ „Плачевная пѣснь“. Душен. Чт. 1881 г. Январь. Стр. 507.

⁹⁷⁾ Ibid. Стр. 509.

Плачетъ библеистъ со смиренною Русью и при кончинѣ императора Александра III-го, „боевой конь котораго (Ср. Іовъ 39 21-25) не носилъ его на кровавыя побѣдныя поля“⁹⁸⁾.

Случится-ли горе внѣ Русской земли—у единовѣрныхъ намъ народовъ, библеистъ записываетъ его, записываетъ, на примѣръ, то, какъ великодушный и смиренный „Воозъ“ (Государь Россіи) идетъ на встрѣчу неимѣющей хлѣба моавитянкѣ Руѣи (Черногорія).

„Дальній родственникъ“—Русскій народъ находитъ „въ любящемъ сердце своемъ струны, которыя съ особенною силою и напряженностію звучать тогда, когда касается людей персть Божій карающей“⁹⁹⁾.

Стонуть-ли слабыя подъ игомъ турокъ—библеистъ-лѣтописецъ записываетъ и эти стоны, и исторію дѣятельнаго сочувствія Русскаго народа славянамъ¹⁰⁰⁾.

Россія заключила Союзъ съ Франціей. Библеистъ заглядываетъ въ священную Лѣтопись и припоминаетъ исторію долгой вражды между сѣвернымъ и южнымъ израильскими царствами. Не смотря на упорную вражду прошлыхъ лѣтъ и на „разныя дороги“, между этими царствами былъ заключенъ, однако, миръ¹⁰¹⁾. Союзъ Россіи съ Франціей, послѣ борьбы съ ней въ 1812 году, напоминаетъ ему исторію вражды и мира израильскихъ царствъ. Уясняя прошлую исторію вражды „сѣвернаго“ и „южнаго“ израильскихъ царствъ и переходя къ исторіи „мира“ Россіи съ Франціей, Андрей Петровичъ говоритъ, что хотя „злѣдѣи злѣдѣйствуютъ, и злѣдѣйствуютъ злѣдѣи злѣдѣйски“, хотя отъ этого злѣдѣйства „земля сокрушается“ (Исаи 24 16-19), „плачетъ сокъ грозда, болитъ виноградная лоза, воздыхаютъ всѣ веселившіеся сердцемъ, прекращается веселье съ тимпанами. зати-

⁹⁸⁾ „Послѣдній Царскій обходъ земли отъ Впрсавіи до горы Ефремовой“. Отд. оттискъ изъ Душен. Чт. 1894 г. Декабрь. стр. 8.

⁹⁹⁾ „Мольба Моавитянки Руѣи“. Душен. Чт. 1890 г. Мартъ. Стр. 286—290.

¹⁰⁰⁾ „Древнее событіе, сходное съ современнымъ“. Душен. Чт. 1877 г. Юль. Стр. 206—217. „Совѣты пророковъ, пригодные для нашего времени“. Душен. Чт. 1887 г. стр. 92—102 и др.

¹⁰¹⁾ „Тяжелая пора и надежды“. Отд. оттискъ изъ Душен. Чт. 1893 г. Декабрь. Стр. 3—5, 15.

хаютъ звуки гуслей“ (Ис. 24 4-13), однако „люди вѣрятъ въ силу добра, а не зла, въ силу любви, а не вражды, мира, а не кровопролитій, покоя, а не постоянного трепета предъ возможными ужасами и—принимаютъ мѣры къ тому, чтобы не стало притѣснителя, грабежъ прекратился и напирющіе исчезли“ (Исаи 16 3-4) ¹⁰²⁾.

Андрей Петровичъ хорошо знаетъ, что общее направленіе политической и соціальной жизни дается чаще всего у домашняго очага. Онъ подходит и къ этому очагу. Онъ много говоритъ о значеніи женщины въ семьѣ, о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

„Прямое призваніе и долгъ женщины—воспитывать дѣтей въ добрѣ; въ этомъ и ея собственное величіе и добро“. „Конечно, женщина можетъ оказаться сильною и на болѣе широкомъ полѣ дѣятельности, нежели домъ—семья; она можетъ оказаться сильною и въ томъ случаѣ, когда въ домѣ своемъ не живутъ ноги ея, когда она, суетливая и необузданная, является съ своимъ словомъ то на улицѣ, то на площади (Пр. Сол, 7 11-12, 21-22). Но это—та ея сила, которая способна не устраивать домъ, а разстраивать его“ (14 1).

Это—сила „глупой“ жены ¹⁰³⁾. Вспоминая просьбу Рахили, обращенную къ мужу: „дай мнѣ дѣтей; а если не такъ,—я умираю“ (Быт. 30 1). Андрей Петровичъ говоритъ о материнствѣ вообще. Приводимъ, въ извлеченіи, его сужденія, интересныя по своеобразно художественному библейскому языку и по своей выразительности.

„Нужно слишкомъ живо, очень глубоко и въ высшей степени тонко чувствовать всю прелесть, долгъ и заслугу материнства; много нужно отважности для женскаго цѣломудрія и стыдливости, чтобы,—не взирая ни на какія возможныя лже-толкованія въ подобныхъ случаяхъ, большею частію грязныхъ,—высказать тѣ слова, какія высказала Рахиль Иакову,—слова, заботливо сохраненныя исторіей, конечно, не для чего болѣе, какъ для того, чтобы они—эти слова—, передаваясь изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, вѣчно и непререкаемо

¹⁰²⁾ Ibid. Стр. 8—9.

¹⁰³⁾ „Умная женщина изъ Авель—Бееъ—Мааха“. Душеп. Чт. 1878 г. Ноябрь. Стр. 313.

¹⁰⁴⁾ „Рахиль и дѣти“. Op. cit. стр. 588—599.

служили свидѣтельствомъ тому, что женщина всѣхъ временъ, всѣхъ вѣковъ—Ева, мать всѣхъ живущихъ (Быт. 3 20)—, открыто высказывающая законному мужу свои природные инстинкты материнства, есть на самомъ дѣлѣ истинно-цѣломудренная женщина.

Эти и подобныя имъ выраженія не ложатся и не ложились ни малѣйшимъ пятномъ на памяти патріархальныхъ женщинъ, желавшихъ выполнить свой долгъ — стать матерями. Въ самые страдалъческіе моменты жизни матери—родильницы, у окружающихъ ея не находилось другого высшаго утѣшенія и ободренія, какъ слово: не бойся, ибо это тебѣ сынъ (Быт. 35 15-17)! Не бойся, ты родила сына (1 Цар. 4 20)! И такъ было долго, —печаль обращалась въ радость: женщина, когда раждала, терпѣла скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родила младенца, уже не помнила скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ (Іоан. 16, 21).

Еврей библейскаго времени не находилъ въ своемъ распоряженіи иныхъ словъ для высшаго выраженія желаемого довольства, кромѣ словъ: да будутъ сыновья наши, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости; дочери наши, какъ искусно изваянные столбы въ чертогахъ! Блаженъ народъ, у котораго это есть! (Псал. 42, 12, 13).

И не было, кажется, этому народу горшеи угрозы пророческой, нежели та, что у Ефремлянъ, какъ птица, улетитъ слава чадородія, ни рожденія, ни беременности, ни зачатія не будетъ! А хотя бы они и воспитали дѣтей своихъ,—отниму ихъ (Осіи 9, 11-12)...

Священные древніе писатели ненарочно, невзначай, но нерѣдко роняютъ намъ въ своихъ писаніяхъ перлы относительно жизни древней цѣломудренной женщины. Стоитъ нанизать ихъ на одну нитку, чтобы увидеть, что эти перлы гораздо выше по цѣнѣ своей жемчужовъ обыкновенныхъ (Притчи Сол. 31 10), красивѣй вѣнчаго плетенія волосъ, золотыхъ уборовъ и нарядныхъ одеждъ. Въ тѣхъ перлахъ свѣтитъ сокровенный сердца человекъ въ нетлѣнной красотѣ духа (1 Петра, 3 3-4). Порывистую Рахиль, съ ея неотложнымъ требованіемъ и угрозой мужу, такъ ее горячо любившему, мы уже слышали. А вотъ предъ нами болѣе сдержанная, но не менѣе скорбящая духомъ Анна, изливающая душу свою въ молитвенномъ, при горькомъ плачѣ, обѣтъ

предъ Господомъ о сынѣ, такъ какъ Господь заключилъ чрево ея (1 Царствъ, 1).

Но еще большее впечатлѣнiе, нежели беззвучная, слезная молитва Анны,—уста ея только двигались и не было слышно голоса ея (ст. 13)—производить робкая, мягкая укоризна пророку, сорвавшаяся съ устъ богатой Сонамитянки, когда она сочла себя жестоко обманутою и разочарованною въ самыхъ дорогихъ для нея надеждахъ. Пересказъ таковъ: благодарный за радушный приѣмъ, оказанный благочестивою женщиной, пророкъ Елисей желаетъ съ своей стороны отплатить ей чѣмъ-либо и предлагаетъ: не переговорить ли ему о ней съ царемъ, или военачальникомъ? Она сказала: нѣтъ, среди своего народа я живу. И сказалъ онъ (Елисей): что же сдѣлать ей? И сказалъ Гезій (ученикъ пророка): да вотъ, сына нѣтъ у ней, а мужъ ея старъ. И сказалъ онъ: позови ее. Онъ позвалъ ее, и стала она въ дверяхъ. И сказалъ онъ: черезъ годъ, въ это самое время, ты будешь держать на рукахъ сына.

И сказала она: нѣтъ, господинъ мой, человѣкъ Божій, не обманывай рабы твоей.

Въ точности исполнилось пророческое слово: родился мальчикъ; мальчикъ росъ и подросъ на столько, что въ одинъ день уже пошелъ въ поле къ отцу своему, бывшему при жнецахъ. Здѣсь его сразилъ солнечный ударъ и онъ, повторяя младенческими устами одно и то же: „голова моя! голова моя болитъ!“ умеръ на колѣняхъ матери.

Огорчена у ней душа. Зачѣмъ нужно было пророку потревожить долготѣнную болящую рану надеждой на исцѣленіе: закрыть на время эту рану, чтобы—вдвое болѣзненнѣе она вскрылась? Только обманутой въ надеждахъ матери можетъ быть понятно и ею оцѣнено безслезное горе Сонамитянки, которое эта,—ухватившись за ноги человѣка Божія, обѣщавшаго ей сына, такъ скоро отнятаго отъ нея,—выразила въ немногихъ словахъ: просила ли я сына у господина моего? Не говорила ли я: не обманывай меня? (4 Царствъ, 4, 8-28).

Эта потребность материнства, какъ неумолкающій голосъ, то тихо и стройно, то бурно (Быт. 19 зп 38. Второз. 25, 5-10) проходить по всей исторической жизни евреевъ...

Передъ вопросомъ: за что исчезать имени отца нашего отъ племени его, потому что нѣтъ у него сына? не отступаютъ

съ ложной стыдливостью пять дочерей Салпаада. И конечно не даромъ намъ даны и самыя имена этихъ отважно-цѣломудренныхъ дѣвъ; и вотъ имена дочерей его (Салпаада): Махла, Ноа, Хогла, Милка и Өирца (Числь 27 1-11; 36, 2-11). Они даны въ свидѣтельство того, что эти дочери—прямыя дочери Евы—матери всѣхъ живущихъ, — долженствующія быть, въ свою очередь и время такими же матерями, какъ и та. Но это—событія древнія... Даже писатель книги Руѳь, и тотъ говоритъ, что только прежде такой былъ обычай у Израиля (Руѳь 4 7).

Обычаи же мѣняются... Нельзя скрывать того, что было. А былъ и у евреевъ Онанъ (Бытія 38, 8-10). И у евреекъ былъ обычай: поѣла и обтерла себѣ ротъ, и говорить: я ничего худаго не дѣлала. (Притчи Сол. 30 20). Такъ характеризовалась упрямая дочь, которая, какъ томимый жаждою путникъ, отверзала уста и пила всякую близкую воду (Сир. 26 10-12). Правда, объ этихъ „поѣвшихъ и обтершихъ себѣ ротъ“ съ особою развязностію, ходили въ народѣ неособенно лестныя для нихъ пѣсни (Исаи 23, 15-16); но суровый обычай (Быт. 38 24) и писанный законъ (Исх. 22 16-19; Лев. 21 9; Втор. 22, 13-29) должны были сдерживать чудовищъ, рождающихъ, но не дающихъ сосцевъ своихъ, не желающихъ кормить дѣтей своихъ (Плачь Іер. 4, 3).

Не замѣчательно ли, въ самомъ дѣлѣ, то, что еврейская древность оставила намъ только одинъ судебный процессъ по случаю смерти младенца... но не отъ голода, и не отъ избіенія...

„Пришли двѣ женщины—блудницы къ царю и стали предъ нимъ. И сказала одна женщина: о! господинъ мой! я и эта женщина живемъ въ одномъ домѣ, и я родила при ней въ этомъ домѣ. На третій день, послѣ того, какъ я родила, родила и эта женщина, и были мы вмѣстѣ,—и въ домѣ никого посторонняго съ нами не было, только мы двѣ были въ домѣ. И умеръ сынъ этой женщины ночью, ибо она заспала его. И встала она ночью, и взяла сына моего отъ меня, когда я, раба твоя, спала, и положила къ своей груди, а своего мертваго сына положила къ моей груди. И сказала другая женщина: нѣтъ, мой сынъ живой, а твой мертвый...

И сказалъ царь: подайте мнѣ мечъ! И принесли мечъ къ царю. И сказалъ царь: разсѣките живое дитя на двое, и отдайте половину одной и половину другой.

И отвѣчала та женщина, которой сынъ былъ живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ея отъ жалости къ сыну своему: о, господинъ мой! отдайте ей этого ребенка живого, и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будетъ ни мнѣ, ни тебѣ,—рубите! И отвѣчала царь и сказалъ: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его; она его мать.

И услышалъ весь Израиль о судѣ, какъ разсудилъ царь, и стали бояться царя, ибо увидѣли, что мудрость Божія въ немъ, чтобы производить судъ. (3 Царствъ, 3 16 28). И это—событія для насъ уже древнія.

Мы или слишкомъ отстали назадъ; или же ушли ужъ слишкомъ далеко впередъ отъ тѣхъ ясныхъ дней, когда являлись откровенныя, цѣломудренныя и въ то же время страстно желавшія быть чадородящими Рахили, Сонамитянки, дочери Салпаада.

Гдѣ эта женщина, что нынѣ скажетъ: дай мнѣ дѣтей, а если не такъ,—я умираю!? (Бытія 301).

За то современные Зимри и современные Хазвы, — эти, иногда, сыновья и дочери начальниковъ поколѣній и племень—открыто, какъ въ старину въ Ситтимѣ, приходятъ другъ къ другу и приводятъ къ себѣ другъ друга въ глазахъ всего общества... (Числь 25 6-15).

Достаточно ли здѣсь копыя Финееса, сына Елеазара, сына Аарона священника, который, увидѣвъ сіе, всталъ изъ среды общества... и вошелъ вслѣдъ за Израильяниномъ въ спальню, и пронзилъ обоихъ ихъ—Израильянина и женщину (ст. 7—8)? Это—напоминаетъ то же очень старое время и старый обычай. Но не болѣе ли достигало бы цѣли въ подобныхъ случаяхъ повелительное древнее слово царя: подайте мнѣ мечь! (3 Цар. 3 24).

Но можетъ быть старое прошлое такъ грубо, что на самомъ дѣлѣ о немъ лучше умалчивать?! Объ этомъ можно навести справку: откроемъ книгу Товита. И вотъ что въ ней читаемъ: когда окончили ужинъ, ввели къ ней (Саррѣ дочери Рагуила) Товію. Когда они остались въ комнатѣ вдвоемъ, Товія всталъ съ постели и сказалъ: встань, помолимся, чтобы Господь помиловалъ насъ. И началъ говорить... Благословенъ Ты, Боже отецъ нашихъ, и благословенно имя Твое святое

и славное во вѣки... Ты сотворилъ Адама и далъ ему помощницу Еву, подпорою—жену его. Отъ нихъ произошелъ родъ человѣческой. Ты сказалъ: не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ помощника, подобнаго ему. И нынѣ. Господи, я беру сію... не для удовлетворенія похоти, но по истинѣ, какъ жену: благоволи же помиловать меня и дай мнѣ состарѣться съ нею. И она сказала съ нимъ: аминь!“ (Товить 8 1-8).

Еслибы намъ, хвоящимся тонкимъ обоняніемъ, развитыми эстетическими вкусами, показалась душною эта атмосфера, библейскихъ справокъ отталкивающею неприкрашенная дѣйствительность, то спрашиваетъ библеистъ—чѣмъ же должны мы дышать тамъ, гдѣ едва не стоитъ ясная вывѣска: „кровать мою я устлала коврами, разноцвѣтными тканями изъ льна египетскаго. Спальню мою надушила смирною, алоемъ и корицею. Поди, станемъ упиваться ласками до утра; проведемъ время въ восторгахъ любви“. (Притчи Сол. 7 16-19).

„Все есть; есть ковры, есть ткани изъ льна египетскаго, есть одуряющіе ароматы, чтобы возбуждать силы желающихъ упиваться ласками и восторгами любви отъ вечера до утра... Нѣтъ только хлѣба и вина дѣтямъ и—можетъ быть рожденные на багряницахъ осуждены жаться къ навозу“. (Пл. 4 5).

Надобно же, наконецъ, сознаться въ томъ, что всѣ эти „красивыя цѣпочки на ногахъ и звѣздочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запылась, и пояса, и сосудцы съ духами, и привѣски волшебныя, перстни и кольца въ носу, верхняя одежда и нижняя, и платки, и кошельки, свѣтлыя тонкія епанчи и повязки, и покрывала (Исаи 3, 18—22)—весь этотъ декорумъ, какому бы полу онъ не принадлежалъ,—все это благоприличіе, вся эта внѣшняя показная „праведность наша“ есть на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ „запачканная одежда“ (64, 6), которую мы только тщательно прикрашиваемъ, чтобы не поражала она самихъ же насъ своею запачканностію“.

„Увы! Простая маленькая случайность (дѣло Скублинской) выносить къ воротамъ города напоказъ всѣмъ и разстилаетъ предъ всѣми для суда и осужденія запачканная наша одежды съ признаками нашей общественной нравственности (Втор. 22 13-21). И вотъ, слишкомъ короткою становится устланная коврами постель, чтобы протянуться, слишкомъ узкимъ

и одѣяло, изъ льна египетскаго, чтобы завернуться въ него“ (Исаи 28 20).

Пустая ли эта боязнь—вопрошаетъ библеистъ—и отвѣчаетъ: „знаете ли,—а если не знаете, то я скажу вамъ, что цѣломудріе становится преданіемъ, въ которое ближайшія поколѣнія перестанутъ вѣрить?“ Это недавно высказалъ человѣкъ, имѣвшій возможность наблюдать надъ нашею жизнію въ долготу и въ широту нашей земли, отъ запада до востока, отъ сѣвера до юга. (Поученіе въ день перенесенія мощей св. благов. велик. князя Александра Невскаго, Никанора, арх. Херсонскаго и Таврическаго. *Правосл. Обзор.* 1890 г., сентябрь, стр. 103).

„Ужели же мы на самомъ дѣлѣ подготавливаемъ то поколѣніе, когда не будетъ людямъ иной клички, иной рекомендаціи, кромѣ: это Онанъ, это Амнонъ, а это Огола, эта Оголива, или Гомеръ, дочь Дивлаима! Ужели потомству этого потомства нарекутся не словомъ только, а самымъ дѣломъ—по суду карающей правды—имена: Дорухама—непомилованная и Моамми—не Мой народъ? (Осіи 1 6-9; 11 4). Развѣ не страшна даже самая возможность этихъ вопросовъ“?...

„Кого бы не поразила эта противоположность явленій: Тамъ мать плачетъ: дай мнѣ дѣтей, а если не такъ—я умираю! а здѣсь вопять дѣти: дайте намъ матерей, а если не такъ—мы умираемъ!

И плачутъ, и умираютъ въ плачѣ отъ голода, и за плачъ избиваются!

Какъ потускло золото, измѣнилось золото наилучшее!... Сыны Сіона драгоценныя, равноцѣнныя чистѣйшему золоту, какъ они сравнены съ глиняною посудою, издѣліемъ рукъ горшечника!“... (Плачъ Іер. 4 1-9).

Эта, поистинѣ, художественная библейская пѣснь скорби и горя смѣняется у библеиста въ другомъ мѣстѣ благословеніемъ радостнаго дѣтства—такого же радостнаго, какъ радостна бываетъ весна съ пѣніемъ „горлицъ“, „съ распускающимися и зацвѣтающими и издающими благовоніе смоковницами и виноградными лозами“¹⁰⁵⁾. Вотъ это благословеніе: „растите, дѣти, какъ роза, растущая въ полѣ, ор-

¹⁰⁵⁾ „Весенній призывъ“. Душеп. Чт. 1890 г. Май. Стр. 100—101.

шаемомъ потокомъ; издавайте благоуханіе, какъ ливанъ; процвѣтайте, какъ лилія, распускайте благовоніе, и воспойте пѣснь, прославляйте Господа за всѣ дѣла (Сир. 39 13-16). Да обновляется юность ваша, подобно орлу“ (Ис. 102з) ¹⁰⁶).

Но если мысль о Рахили вызываетъ у библеиста скорбныя думы объ отрицательныхъ типахъ женщинъ, то какія-то глубокія личныя переживанія—и какъ кажется скорбь о кончинѣ супруги—заставляютъ его нарисовать положительный типъ жены, живущей для семьи и раздѣляющей одиночество мужа. Жить одному трудно: „живетъ одинъ, и другого никого нѣтъ... и это мученіе тяжкое. Двоимъ лучше, нежели одному. Ибо если и упадутъ, то одинъ подниметъ товарища своего... И если одинъ кто захочетъ пересилить одного, то двое устоятъ противъ него (Еккл. 4 8-12). Никто не радуется о мнѣ вдовствующемъ и оставленномъ многими“ (Варухъ 4 12) ¹⁰⁷).

И вотъ библеистъ даетъ поразительно яркій образъ вдовца. Такимъ вдовцомъ былъ пророкъ Іезекіиль, которому сказано было однажды: „сынъ человѣческій! вотъ я возьму Утѣху очей твоихъ; но ты не сѣтуй и не плачь, и слезы да не выступатьъ у тебя. Вздыхай въ безмолвіи, плача по умершихъ не совершай... И вечеромъ умерла жена пророка“ (Іез. 24 16-18). Смерть „Утѣхи очей“ пророка была внезапная (ср. Числ. 14 37; 17 13). Пророкъ былъ покоренъ волѣ Бога ¹⁰⁸). „Страданіе его было беззвучное, терпѣніе безмолвное“ ¹⁰⁹). Онъ не проливалъ слезъ, но эти слезы живописуетъ намъ библеистъ, видѣвшій двойныя страданія пророка, вызванныя смертью „Утѣхи“ и натискомъ непріятеля на родной народъ; и онъ вводитъ читателя въ замкнутый домъ страдальца.

„Запертъ изнутри домъ Тел-Авивскаго пророка (Іезек. 3 24). Войти нельзя. Но въ стѣнѣ его проломано большое отверстіе. Его проломалъ самъ пророкъ однимъ вечеромъ, чтобы сквозь него выйти впотѣмахъ на улицу, куда днемъ были вынесены имъ на плечѣ вещи, нужныя для переселенія—дорожный мѣшокъ съ необходимымъ количествомъ

¹⁰⁶) Ibid. Стр. 111.

¹⁰⁷) „Запечатанный день“. Отд. оттискъ изъ Душен. Чт. 1880 г. Февраль—Мартъ. Стр. 31—32.

¹⁰⁸) Ibid. Стр. 11.

¹⁰⁹) Ibid. Стр. 2.

пищи для путника и дорожный посохъ,—вынесены съ тѣмъ, чтобы съ этой ношей, въ виду всѣхъ, переселяться съ мѣста на мѣсто, въ знаменіе того, что Іудея съ ея царемъ пойдетъ въ плѣнь (12 3-7). Сквозь этотъ проломъ заглянемъ внутрь дома и посмотримъ: что тамъ происходитъ? Вотъ знаменитое ложе пророка, на которомъ онъ такъ долго и неудобно возлежалъ, не перевертываясь съ боку на бокъ. Вотъ вѣсы. На нихъ пророкъ ежедневно отвѣшивалъ себѣ по 22—23 лота хлѣба, испеченнаго на коровьемъ пометѣ, изъ смѣси пшеницы, ячменя, бобовъ, чечевицы, пшена и полбы, хлѣба мало питательнаго и принимавшагося въ такой малой мѣрѣ, что она едва ли равнялась и половинѣ того, сколько нужно для насыщенія жителя теплыхъ странъ. Вотъ сосудъ для воды, вмѣстительностью равный вмѣстимости 12 куриныхъ яицъ средней величины. Все это было знаменіемъ для дома Израилева. На тѣхъ же вѣсахъ пророкъ развѣшивалъ свои волосы, сбритые имъ острою бритвой съ своей головы и бороды, чтобы часть ихъ сжечь въ огнѣ, часть изрубить ножомъ, часть разсѣять по вѣтру и часть завязать въ полы своей одежды (6 1-3). Это тоже знаменіе. Вотъ необожженный, а только высушенный на солнцѣ кирпичъ. На немъ недавно начертанъ планъ Іерусалима, находящагося въ осадѣ,—видны валы вокругъ города, показаны мѣста непріятельскаго лагеря и стѣнобитныхъ машинъ. Вотъ и желѣзная доска, которую ставилъ пророкъ между собою и кирпичемъ, когда въ духѣ созерцалъ осаду роднаго города (4 1-3). Вотъ и другой, уже обожженный, кирпичъ. На немъ высѣчена дорога, что идетъ изъ Вавилона и въ одномъ мѣстѣ раздѣляется на двѣ: одна ведетъ въ Равву Аммонитянь, другая—въ Іерусалимъ. При началѣ этихъ двухъ дорогъ высѣчена рука, показывающая путь къ святому городу (21 19-20). Это—дѣла рукъ пророка. Вотъ еще два небольшихъ деревянныхъ жезла, съ надписями на каждомъ нѣсколькихъ словъ рукою же пророческою (37, 16). А вотъ и приборъ писца и книжный свитокъ, въ который пророкъ записывалъ точно повелѣнное ему. Свитокъ исписанъ внутри и снаружи, а написано на немъ: плачь, и стонъ, и горе (2, 9—10), личное пророка, всего дома Израилева и народовъ языческихъ. Вѣроятно есть гдѣ нибудь и струнный инструментъ, но мы не видимъ его. Не слышно ни играющаго, ни пѣвца съ пріят-

нымъ голосомъ (33, 32). Вотъ все главное, что особенно бросается въ глаза въ домѣ пророческомъ.

Какъ видѣли сейчасъ,—не много радующаго глазъ въ домашней обстановкѣ пророка-священника. На что бы ни упалъ его взглядъ, почти все напоминаетъ пережитое бѣдствіе—плачь, и стонъ, и горе. Эта обстановка есть самая вѣрная иллюстрація и къ его книгѣ, и вмѣстѣ къ его жизни.

Единственнымъ лучемъ въ этой мрачной, вызывающей тяжелыя думы, обстановкѣ сіяла пророку „Утѣха очей“ его; но теперь и ея нѣтъ. Она въ могилѣ, и въ домѣ—какъ въ могилѣ. Ни звука. Слышны только по временамъ глубокія воздыханія. Чьи они въ этомъ пустынномъ, какъ будто совсѣмъ вымершемъ, домѣ? Одинокато пророка.

А вотъ и онъ,—этотъ человѣкъ, скорбящій о великости бѣдствія, который ходитъ взадъ и впередъ, поникши и уныло, и глаза потускляя.. (Вар. 2 18).

Какою же силою духа нужно было обладать нашему пророку, чтобы ни однимъ звукомъ (Исаи 38 14), ни одной слезой не выдать наружу своего мучительнаго внутренняго состоянія, чтобы покойно сказать и записать о себѣ: вечеромъ умерла жена моя, и на другой день я сдѣлалъ такъ, какъ повелѣно было мнѣ. Твердость ли камней была твердость его и плоть его—мѣдъ ли? Страдавшій Іовъ не находилъ вѣрнаго вѣса для взвѣшенія своей горести; онъ считалъ свое страданіе тяжелѣе песка морей и отъ того-то, по его выраженію, его слова были неистовы (Іова 6, 1—2. 12). У Іезекииля мы слышимъ одно безмолвное воздыханіе.

Но не обличаетъ ли оно въ немъ безчувственности, или недостатка впечатлительности, или равнодушія и даже холодности къ умершей „Утѣхѣ“? Нѣтъ. Пророкъ былъ натурою впечатлительною въ высокой степени, отзывчивою на людскія бѣдствія, натурою любящею¹¹⁰⁾.

Провожая въ могилу свою „Утѣху“, пророкъ символически проводилъ въ могилу—въ плѣнь вавилонскій народъ Израильскій и какъ бы похоронилъ въ этой могилѣ національное бытіе народа¹¹¹⁾. Смерть жены—„Утѣхи“ здѣсь символъ съ громаднымъ значеніемъ.

¹¹⁰⁾ Ibid. Стр. 42—45.

¹¹¹⁾ Ibid. Стр. 46.

Сопоставляя все, что писалъ когда-либо нашъ библеистъ о значеніи женщины, можно сказать за него, что въ умершей „Утѣхѣ“ онъ и лично и за всѣхъ людей оплакалъ жену—друга и мать дѣтей. И если когда-либо человѣчество похоронить „Утѣху“ свою—принизить нравственную личность женщины, то за этими похоронами оно увидитъ свои.. Великое значеніе пророческаго символа сохранено и у нашего библеиста.

Нѣтъ, кажется, необходимости говорить болѣе о выразительности и прелести слова библеиста—лѣтописца, библеиста—художника. Онъ далъ жизнь своей наукѣ, пріобщивъ къ ней и тѣхъ, кто по своему общественному положенію далекъ отъ нея. О немъ можно сказать языкомъ лѣтописи: „написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяты“¹¹²⁾—и написалъ ихъ такъ, какъ очень немногіе умѣютъ писать.

Димитрій Введенскій.

---

¹¹²⁾ Приписка въ лѣтописныхъ спискахъ. Ср. Исг. Русской литературы подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина и Овсяннико — Куликовскаго. Т. II, вып. VII. Москва. 1908 г. Стр. 120.